

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

Петру было
предназначено
найти
сокровища...

Виктория Лисовская

**Сокровища
Петра Первого**

Виктория Лисовская
Сокровища Петра Первого
Серия «Артефакт & Детектив»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67252113
Сокровища Петра Первого: Эксмо; Москва; 2022
ISBN 978-5-04-166315-5

Аннотация

Следователь Дарья Безбрежная распутывает похищение семи бесценных картин из Михайловского замка. Все, что известно, – все они были посвящены строительству Санкт-Петербурга. Свидетели клянутся, что видели в замке призраков... Дарье предстоит отделить факты от слухов, расследовать кражу, изучить историю Петербурга и... биографию императора Петра Первого, которому тоже было что скрывать...

Виктория Лисовская

Сокровища Петра Первого

© Лисовская В., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Книга основана ТОЛЬКО на фантазиях автора и другом альтернативном взгляде на знакомую каждому историю города на Неве...

Все рассказанное ниже – плод фантазии автора, не претендует ни на какую историческую и документальную достоверность...

Все совпадения случайны...

От автора

*...нет ничего тайного, что не сделалось бы явным,
ни сокровенного, что не сделалось бы известным
и не обнаружилось бы...*

Евангелие от Луки 8:17 – Лк 8:17.

Страницы старой книги... 13 октября 1307 года. Пятница

– Нет, Жан, я так и не понимаю, на кой ляд нам мерзнуть

на крепостной стене, когда все старшие рыцари спокойно пируют в замке! – зябко поеживаясь на холодном ветру, завил худенький прыщавый Этьен.

Должность младшего оруженосца еще пару месяцев назад представлялась для парня самой заветной мечтой, а уж войти в самый богатейший и влиятельный орден Франции, да что там Франции, всего мира – орден тамплиеров, об этом он и помыслить не мог. Но реальность оказалась намного прозаичнее, кроме романтических поездок рядом с рыцарями в сверкающих доспехах на боевых конях, также заключенных в броню, ему пришлось заниматься всей грязной работой за рыцарем Леоном. Грязной в прямом и переносном смысле, – чистить доспехи, выгребать нечистоты из лат, ухаживать за своенравными жеребцами мессира. Но сегодня вообще день не заладился.

Погода начала портиться ближе к вечеру. Нудный тусклый дождь опустил на улицы Парижа, и внезапно начавшийся ледяной ветер принялся терзать башни замка Тампль, резиденции Храмовников, и рыцарей, дежуривших на крепостных стенах.

Обычно мессир Леон сам профессионально выполнял боевую службу на крепостной стене, но сегодня, отдав приказ Этьену и Жюлю, второму оруженосцу, Леон вместе с девятью рыцарями Храма, по личному приглашению Великого Магистра Жака де Моле, отправился на военный совет.

Зря оруженосцы думали, что тамплиеры пируют в теп-

лом зале. Нет, девять избранных храмовников решали важные вопросы своего ордена, вопросы, от которых зависело будущее не только ордена, но и всей Франции, Италии, Испании и окрестных земель.

– Великий Магистр, мессир, ситуация действительно критичная. Мои люди сообщают, что король Филипп не сегодня, так завтра примет решительные меры. В Париже неспокойно, а в королевском дворце давно хотят усмирить наш орден! – обеспокоенно докладывал Гуго де Пайро, правая рука Великого магистра Жака де Моле, один из самых влиятельных людей в ордене. Гуго нервно вытер выступившие на пухлом лице капли пота, и с волнением взглянул на магистра.

Но де Моле, казалось бы, не слышал Гуго, он смотрел как бы сквозь толпу рыцарей, через окно на ночной Париж. О тревожности мессира свидетельствовали только скрюченные пальцы, лихорадочно сцепившиеся в эфес меча, лежащего в дорогих самоцветных ножнах.

Слова Гуго де Пайро повисли в воздухе.

По толпе рыцарей пронесся обеспокоенный гул.

Наконец громко заявил на весь зал рыцарь Готфрид Анжуйский:

– Филипп трусоват, он не посмеет... – твердо произнес он. – Он слишком многому обязан перед орденом.

– Да, обязан, еще как обязан. Более четырехсот тысяч флоринов, – подал голос молчащий до этого казначей ордена

Жан дю Тура.

По рядам рыцарей пронесся еще один изумленный вздох.

Созданные, как защита пилигримов по дороге к Гробу Господнему, всего за пару веков рыцари Храма превратились в реальную военную, политическую и экономическую силу, могущество и власть которых только росли с каждым днем. О нищете рыцарей напоминала только символическая печать: два рыцаря на одном коне, но эти бедные годы остались далеко позади.

Теперь это был самый могущественный и богатый орден, полностью преобразовавший всю финансовую систему Средневековья, богатейшие феодалы, занимавшиеся ростовщичеством. В числе их должников были влиятельные люди королевства, и даже сам король Филипп Красивый, которому вечно не хватало денег.

– Более четырехсот тысяч флоринов? Да, за такие деньги вполне можно и убить, – с горькой усмешкой объявил Жак де Моле и обреченно покачал головой.

– Мессир, еще не все потеряно, – обратился к магистру рыцарь Леон. – Мы вполне можем драться, мы будем сражаться...

Слова Леона были поддержаны дружным хором остальных храмовников.

– Драться? Сражаться? – сердито блеснул глазами магистр. – Со всем Парижем? Сколько у нас здесь войск? – обратился он к Гуго.

– Двести рыцарей плюс два десятка оруженосцев и мелких прислужников, – бодро ответил Гуго. – Мы можем отправить гонцов к членам братства в Авеньоне, Месигоре... Подмога придет через пару дней, и тогда...

– Через пару дней будет поздно, – покачал головой Жак де Моле.

– Но мы... – снова встрял в разговор Леон.

– Так, тихо! О сговоре Папы Климента и Филиппа я уже давно знаю, их лживые сладкие речи не могли обмануть Великого Магистра, – гордо блеснули глаза де Моле. – Но это не главное... Филипп жаждет наших денег, сокровищ ордена. Но он ничего не получит. Прямо сейчас, не мешкая, вы, девять наших братьев, перевезете вот эти сундуки и свитки, – Моле кивнул в сторону собранных сундуков и тюков. – Перевезете через Ла-Мани. На том берегу вас встретят наши преданные братья и скажут, что нужно делать, куда отправиться...

– Как символично – история нашего ордена началась с девяти рыцарей, и именно девятью рыцарями она и закончится, – грустно улыбнулся Гуго де Пайро.

Он прекрасно знал о планах Магистра, они вдвоем подробно разработали маршруты, чтобы скрыть сокровища ордена от жадного короля.

– А как же?.. – хотел задать вопрос Леон, но, встретив суровый взгляд магистра, промолчал и твердо кивнул, так же как и остальные избранные.

Под покровом ночи девять рыцарей Храма вместе со своими оруженосцами на телегах, груженных сеном, вывезли все сокровища ордена тамплиеров за пределы Франции.

Через пару часов ровно в полночь замок Тампль окружили воины короля, всех оставшихся хамовников арестовали, в том числе Великого Магистра Жака де Моле.

Но Филипп Красивый просчитался – в замке не было найдено ни одного экю. Все сокровища и священные реликвии ордена бесследно исчезли...

Санкт-Петербург. Наши дни

– Это просто нереально, это невозможно, это просто нонсенс какой-то, – с завываниями на одной ноте подбирала эпитеты полная дама со старомодной прической. Она рыдала на руках у молодого взъерошенного оперативника Владимира Шестакова, который смущенно пожимал плечами и робко поглядывал на следователя Дарью Безбрежную, которая остановилась в дверях и с сочувствием смотрела на потерпевшую.

Хотя потерпевшей ее назвать можно было только условно, пострадавшим в данном деле выступало само государство, в лице известного Эрмитажа и музея Михайловского замка, в котором произошла кража века.

Сейчас в зале Михайловского, где и проходила выставка картин из Эрмитажа, рыдала куратор выставки Олимпиада Смирнова. Именно она отвечала за семь бесценных полотен

творчества российских художников XIX века. Отвечала головой, и вот не ответила – все картины испарились в неизвестном направлении.

Следователь Дарья Безбрежная еще не успела полностью ознакомиться с материалами дела, но, судя по всему, дело будет шумное, громкое, а главное – муторное, именно на такие расследования Дарью Николаевну чаще всего и направляли.

– Олимпиада Андреевна, – сухонько кашлянула в кулак Дарья. – Вы можете со мной поговорить? – Она продемонстрировала служебное удостоверение.

Смирнова подняла мутный взгляд на следователя и неопределенно качнула головой.

– Володя, принеси, пожалуйста, водички, а лучше валерьянки, – шепнула пробегающему мимо оперативнику Безбрежная.

Тот безропотно кивнул.

– Итак, Олимпиада Андреевна, вы можете рассказать, что тут у вас произошло? – с заботой в голосе спросила Дарья, обводя взглядом пустые рамы, где еще вчера красовались полотна русских художников XIX века.

Смирнова в ответ часто затрясла головой, как разукрашенный китайский болванчик.

– Я могу, я расскажу... Только это... Это невозможно... Это нереально... Этого не может быть... – снова завывла она.

– Чего не может быть? – удивилась следователь.

– Кражи не может быть! Отсюда выкрасть нереально! – немного взяв себя в руки, ответила Олимпиада Андреевна и выразительно натянула на распухший и красный от слез носочки с толстыми диоптриями.

«Ага, она еще и близорука», – сделала вывод Безбрежная.

– Если кражи не может быть, то как вы можете объяснить вот это? – Она красноречиво показала рукой на пустые стены. – Сколько здесь было картин?

– Семь полотен, – принялась кусать губы Смирнова.

– Ценные? Какова примерная стоимость?

– У нас все картины в музее бесценны, искусство не продается, – обиженным тоном ответила Олимпиада Андреевна.

– Я понимаю, что искусство не продается, но все-таки, какие картины пропали и сколько они примерно могут стоить? – попыталась замаскировать свое недовольство следователь.

– Здесь на нашей выставке у нас ни Врубель, ни Пикассо не висел, если вы об этом. Выставка была посвящена русским художникам девятнадцатого века, здесь были полотна, посвященные Санкт-Петербургу, которые так или иначе показывают строительство нашего родного города. «Петербургская биржа» Александра Карловича, Максим Воробьев «Исаакиевский собор и памятник Петру Первому», «Триумфальные ворота» акварель Беггрова, «Александрийская колонна в лесах» Гагарина, «Петр Великий. Основание Санкт-Петербурга» Венецианова Алексея Гавриловича, Сильвестр

Щедрин «Вид с Петровского острова на Тучков мост и на Васильевский остров в Петербурге» и Федор Алексеев «Вид на Михайловский замок в Петербурге со стороны Фонтанки». Всего семь полотен, повторюсь, бесценных полотен. Это же оригиналы, девятнадцатый век, там один Гагарин стоит как двести моих зарплат. – Смирнова утерлась платком, а потом снова заплакала, лишь махнув следователю.

Дарья задумалась, от свидетельницы сейчас действительно было мало толку, к ней с расспросами она вернется позже, пока предстояло поговорить с охранниками Михайловского замка.

– Олимпиада Андреевна, я вас попрошу – подготовьте мне список всех украденных картин с полным описанием и примерной стоимостью. Хорошо? Спасибо большое, – кивнув поникшей свидетельнице, Безбрежная подошла к толстому гениальному криминалисту Алексею Михайловичу Одывалому, который в данный момент собирал улики, вероятно, оставшиеся на пустых рамах.

– Ну что, как дела, Михалыч? – Дарья поправила выбившуюся прядь темных волос, зачесала ее за ухо.

– Это у вас дела, Дарья Николаевна, у нас так – делишки! – хмыкнул Одывалов.

– Хорошо, как делишки? – согласно кивнула Безбрежная.

– Работали профессионалы, отпечатков почти нет, какие-то смазанные все. Скорее всего, в перчатках работали. Сейчас же все умные, телевизор смотрят – не пойдут на дело

с голыми руками, – ворчал эксперт.

– А сигнализация что? А охранники где? – сморщила курносый нос Дарья.

– Охранники вон, в том углу маются, ждут допрос. А сигнализацию отключили, причем отключили вполне профессионально. Наши технари во главе с Зориным там колдуют на пульте. Сигнализацию никто не слышал, не видел.

– А почему они не в главном корпусе Эрмитажа выставку провели, а здесь, в Инженерном замке? – задумалась вслух Безбрежная.

– А это не меня надо спрашивать, а руководство музея, – развел руками Одывалов. – Хотя, если по чесноку, в Эрмитаже, конечно, средства безопасности получше будут. Оттуда что-то выкрасть сложнее, – почесал лысую голову эксперт.

– Спасибо, Михалыч. Пойду охранников попытаю, что да как.

– И к технарям зайди, может, они что накопили, – вернулся к своей работе Михалыч.

Дарья слабо кивнула и, снова окинув взглядом пустые подрамники, отправилась к противоположной стороне зала, где с ноги на ногу переминались два здоровых мужика.

– Добрый день, я следователь Дарья Николаевна Безбрежная. Я хотела бы с вами поговорить.

Мужики синхронно кивнули.

– Представьтесь, пожалуйста.

– Начальник службы безопасности Сидорчук Владислав

Олегович, – ответил высокий, коренастый, с серьезным взглядом карих глаз мужчина.

Второй с пышными усами сообщил:

– Михайлов Сергей Александрович.

– Владислав Олегович, расскажите мне, как так получилось, что исчезли семь полотен с выставки? – строго посмотрела на начальника службы безопасности Дарья.

Ничуть не смутившись, тот ответил:

– Мы проводим внутреннее расследование, о результатах мне докладывают каждые полчаса.

– Внутреннее расследование это, конечно, хорошо, но, я надеюсь, ваше расследование не будет мешать нашему? – Следователь усмехнулась. – Чья была смена вчера?

– Моя, – звучно ответил Михайлов.

– Вы были один? Где ваш коллега? – Дарья посмотрела в документы. – Где второй охранник Потапов?

– В том-то и дело, что Алексея Потапова сейчас наша служба безопасности разыскивает, – вместо Михайлова ответил его начальник.

– То есть охранник Потапов исчез сразу же после ограбления?! Интересно, очень интересно, – ухмыльнулась Дарья и записала в блокноте жирный вопросительный знак напротив фамилии Потапова. – Что вы можете о нем рассказать? Когда вы его видели в последний раз?

– Вчера он не явился на дежурство, – нерешительно ответил Михайлов, выразительно поглядывая на начальника

службы безопасности, как бы у него спрашивая согласия на свои ответы.

– А до этого он пропускал когда-нибудь дежурства? Какой он был человек?

– До этого он ни разу не пропускал, он не пил, не курил, был вполне спокойным и ответственным. Мы очень все удивились, что его нет на месте, несколько раз звонили ему на сотовый. Мало ли, что случилось, но телефон у него выключен со вчерашнего вечера, – ответил Сидорчук.

– Хорошо, телефон его мы проверим, запишите номер. Что еще о нем можете рассказать? – обратилась Дарья к Михайлову.

– Он нормальный был, почти... – неопределенно ответил охранник, странно косясь на начальника.

– Что значит «почти»? – уцепилась она за его последние слова.

– Ну, он... ну, это... – замялся охранник.

«Он, определенно, что-то знает про Потапова, но при начальнике безопасности говорить не будет», – вдруг поняла Безбрежная. Начальник безопасности нахмурился и покачал головой.

– Все с Алексеем Потаповым нормально было, мы всех работников при заключении контракта проверяем на детекторе, они проходят консультацию невролога, психиатра, нарколога, без этого они работу не получают. Так вот, Потапов все этапы собеседования блестяще прошел. Все с ним нормаль-

но было! – При слове «нормально» Сидорчук красноречиво взглянул на Михайлова.

Тот странно кивнул и потупился в пол.

Безбрежная поняла, что эту тему надо еще раз поднять, но позже, наедине с Михайловым, поэтому решила задать другой вопрос:

– Кто обнаружил отсутствие картин и когда?

– Я обнаружил. Когда Потапов не вышел на дежурство, мне Сергей позвонил, доложил обстановку, я сам лично подъехал. Дежурил с ним. Утром в пять утра после обхода зашел по инструкции сюда в зал – а тут уже пусто. Сразу позвонили руководству, вызвали полицию, – ответил Сидорчук.

– Что ночью было необычного? Что вы слышали? Видели?

– Все было как всегда. Тихо, спокойно.

– Я в два часа ночи проводил обход, картины в этом зале были на месте. В пять уже пустые рамы, – сообщил Михайлов.

– То есть кража произошла с двух до пяти ночи приблизительно, – Дарья записала время в блокнот.

– В других залах что-нибудь пропало? Здесь же, как я понимаю, есть другие бесценные картины, произведения искусства, раритеты – что-нибудь еще похищено?

– Нет, в том-то и дело, что украли только эти семь картин! В другие залы никто и не заходил! По камерам видно! – ответил начальник службы безопасности. – Мы обход по всему

музеею провели.

– А что с камерами, что с сигнализацией?

– С камерами? – улыбнулся начальник безопасности. – А вы можете сходить, полюбоваться на пульт.

– Хорошо, пройдемте, – энергично кивнула Дарья.

Они прошли в кабинет на первом этаже, где была оборудована каморка охранников. Возле внушительных мониторов всюду колдовали спецы из технического отдела полиции.

– Гоша, привет. Ну, что скажешь? – следователь поздоровалась с высоким русоволосым парнем.

– Привет, Дарья Николаевна. Отчет будет завтра у тебя на столе, – не переставая ковыряться в подключенном к монитору ноутбуке, ответил он.

– Отчет отчетом, а сейчас в двух словах, почему сигнализация не сработала и почему охранники ничего не видели, не слышали? – тихо спросила Дарья.

– Потому что кино у них красивое крутили, интересное кино. Вот, полюбуйся. – Зотов нажал несколько кнопок, и на мониторе появился слабо освещенный зал.

– И что? – вглядываясь в изображение, спросила Дарья.

Это, несомненно, был зал выставки, тот самый зал, где пару минут назад она наблюдала пустые рамы. Сейчас картины были на своих местах. Причем зал скрывался в полутьме, сами картины разглядеть было сложно.

– Что это значит? Картины на своих местах? – спросила следователь.

– Именно. Причем это же видео крутилось и в тот момент, когда проходило ограбление.

– То есть ты хочешь сказать, что охранники видели эту картинку и были уверены, что все на месте?! – удивленно заключила Безбрежная.

– Ага! – подошел к ним Сидорчук. – Мы смотрели на мониторе, но, как вы видите, в зале все спокойно.

– И вы ничего странного не заметили? Как и кто вам это кино настроил? – озабоченно спросила Дарья.

– В том-то и дело, что не заметили. У нас по инструкции каждые три часа обход. В два ночи все было нормально, в пять картин уже не было.

– А как им это кино подключили, я сейчас и разбираюсь, – ответил Зотов. – Так что мне не мешайте, я работаю. – Он снова защелкал клавишами ноута.

– А сигнализация? Каждая картина же должна быть защищена? – снова спросила Дарья.

– А они и защищены были... – ответил Зотов. – Но кто-то тихонечко все отключил, так что, гражданка следовательно, не мешайте, все в отчете напишу, – он демонстративно вернулся к своей работе.

Дарья задумчиво кусала колпачок ручки и возле слова «сигнализация» вывела в блокноте два жирных вопросительных знака.

Страницы старой книги... 18 марта 1314 года. Пятница

На маленьком острове Иудеев в центре Парижа вовсю шли приготовления к казни. Уже была поставлена деревянная площадка для казни, вбит столб для приговоренного, принесены большие охапки соломы для костра.

– Ох, и жарко будет сегодня, соседка, – худая остроносая дама кивнула пухленькой девушке в большой широкополой шляпе.

– И поделом им, отродьям Сатаны, – пухлощекая боязливо перекрестилась. – Поговаривают, эти нечестивцы, тамплиеры, вовсю издевались над святым распятием, плевали на иконы, ужас какой... и даже, – девушка понизила голос и боязливо взглянула на свою соседку, – они поклонялись... ну... этому... Рогатому... – последнее слово было произнесено шепотом.

– Рогатому? Дьяволу? Самому настоящему? – ахнула худая. – Не может быть! – всплеснула она руками.

– Конечно, не может, – влез в разговор двух соседок толстый лавочник в перемазанном мукой переднике. – Не может, потому что они Дьяволу не поклонялись. Глупости все это. Глупости и чепуха! Брежут люди!

– Не Дьяволу, а Бафомету, – вспомнила наконец-то имя дама в шляпке. – Но он тоже рогатый.

– Рогатый! – передразнил ее лавочник. – Наговаривают все на них, на рыцарей! – сообщил он, понизив голос.

– Не наговаривают! Они во всем признались, во всех своих преступлениях против Господа Бога нашего! – величественно

но и надменно ответила остроногая.

— За семь лет пыток и не в таком можно признаться! Умеют парижские палачи признания выбивать! — не согласился с ней лавочник. — А Магистр за семь лет ни в чем не сознался, и всячески отказывается от всех обвинений.

— Так, суд короля уже осудил его! Все равно! А вы, сеньор Жюльбур, что-то слишком сочувствуете рыцарям! — подозрительно прищурилась пухленькая. — Может, вы тоже один из ордена?! — ахнула девушка и приложила руки к пылающим щекам.

Лавочник насупился и сквозь зубы прошипел проклятия.

— Пойдем отсюда, Луиза, — потянула она соседку за собой, недовольно оборачиваясь на остолбеневшего лавочника, который принялся оправдываться на ходу.

— Да вы что, дамы... Да не в жизнь... — верещал он, но его уже никто не слышал.

В грязной вонючей клетке, установленной на старой телеге, на площадь привезли замученного и исхудавшего бывшего Великого Магистра ордена тамплиеров Жака де Моле. За семь лет тюрьмы, пыток и мучений от бывшего величия магистра мало что осталось, только гордый взгляд карих глаз и упрямо вздернутый вверх подбородок говорили о непреклонной воли магистра.

Несмотря на все пытки, Жак де Моле не признался, где спрятаны сокровища ордена, он гордо смеялся в лицо палачам и всячески отвергал все глупые и беспочвенные обвинения.

ния. Но суд короля все равно приговорил его к сожжению на костре, но Жак был спокоен, есть еще высший суд, который котируется выше королевского.

Де Моле без страха взглянул в лица своих палачей, он, Великий Магистр, он ничего и никого не боится, он пройдет через все, что ему предназначено.

Тюремщики шептались, что костер для Великого Магистра был сложен таким образом, чтобы продлить муки умирающего как можно дольше.

Когда языки безжалостного пламени уже лизали ноги осужденного, терпеть адскую боль не было сил, Жак де Моле закричал что было мочи, вложив в последние проклятия всю силу древнего могущественного ордена:

– Господь знает, что я умираю несправедливо осужденный. Поэтому очень скоро несчастья падут на головы тех, кто несправедливо осудил нас. Господь отомстит за нас, я убежден в этом. Тебя, Господь, молю, обрати взор свой к Деве Марии, чтобы приняла нас. Папа Климент, перед Судом Господним говорю – смерть найдет тебя через сорок дней, а тебя, король Филипп, прежде чем закончится этот год! Папа Климент! Король Филипп! Не пройдет и года, как я призову вас на Суд Божий! Проклинаю вас! Филипп, проклинаю тебя. Проклятие на весь ваш королевский род до тринадцатого колена!

И высшие силы услышали его предсмертные слова.

Санкт-Петербург. Наши дни

– А меня Вареньевна сегодня похвалила! И даже сказала, что...

– А мне Мишка по голове машинкой стукнул, а я ему...

– А потом Вареньевна нам дала циферки обвести...

– А Мишка как заорет...

– А я суп мучил-мучил, но не домучил...

Следователь Дарья Безбрежная обнимала двух улыбающихся близнецов пятилеток Тему и Сему, малыши радовались приходу матери и старались наперегонки рассказать ей, что же интересного и невероятного случилось за сегодняшний день в детском саду.

Воспитательница Татьяна Валерьевна, которую близнецы именовали Вареньевной, все-таки не удержалась и сделала ехидное замечание припозднившейся мамаше:

– Дарья Николаевна, опять опаздываете! Ваши тут, Безбрежные, последние остались! – с ядовитой интонацией заметила она.

– Так сад же до половины восьмого работает, а сейчас только семь, – пытаюсь натянуть непослушный кроссовок на детскую ногу, заметила Безбрежная.

– Уже девятнадцать ноль пять, и всех других детей давно разобрали, – скривила полные губы Вареньевна.

– Разобрали, потому что у них мамочки не работают, а дома сидят, – звенящим от обиды голосом заметил старший и серьезный Сема.

Дарья одобрительно хмыкнула, продолжая напяливать следующий кроссовок уже на третью ногу.

Воспитательница ахнула:

– Вот, видите. Он еще и хамит! И дисциплина у мальчишек хромает. Вы знаете, во что они играли сегодня на прогулке? – Полная женщина энергично и демонстративно закатила глаза.

– Не знаю, но думаю, вы мне сейчас об этом расскажете. – Дарья застегивала куртку на первом сыне.

– Они нашли в траве мертвого жука, обвели его мелом и пытались выяснить причину смерти... – В голосе Вареньевны слышался такой ужас, как будто бы мелом дети нарисовали пентаграмму и вызвали самого Дьявола.

– И как? Им это удалось? Установили свидетелей? Вызвали понятых? – профессиональным голосом осведомилась Безбрежная.

Мальчишки синхронно захихикали.

– Да вы что! Вы не понимаете? У нас приличный сад, а вы...

– А что я? А что мои дети сделали такого неприличного? Или, быть может, вы причастны к этому преступлению? К смерти жука?

И под шумный смех мальчишек, высоко подняв голову и оставив остолбеневшую Вареньевну, Дарья вышла из стен «гостеприимного» детского сада.

Уже подходя к дому, смартфон издал имперский марш из

«Звездных войн» – значит, звонили на служебную симку.

Придерживая ухом телефон, Дарья пыталась попасть ключом в замочную скважину. Дело осложнялось еще и полным пакетом с продуктами, зажатым под мышкой.

– Слушаю, – прозвучало довольно грубо.

– Дарья Николаевна, добрый день. Извините, что вас вечером потревожил, но я подумал, что это может быть важно... – раздался смущенный и неуверенный мужской голос.

– Кто это? – поморщилась Безбрежная, в прихожей освобождаясь от надоевших каблучков.

– Извините, не представился. Это Сергей Михайлов, охранник из Инженерного замка. Вы сегодня с нами утром разговаривали.

– Ах да! Конечно! Я вас слушаю, Сергей. – Стянув с мальчишек обувь, Дарья под вопли голодного кота пыталась освободить пакет с провизией. – Вы что-то важное вспомнили?

– Да, наверное, важное. Хотя я не уверен, – снова смущенный тон. – Сидорчук просил вам не рассказывать, он считает это неважным. Но я не знаю, может быть, это как-то поможет, – неуверенно зачастил охранник.

– Так, стоп, Сергей. Давайте вы мне все расскажете, а я сама решу, важно это или неважно для следствия, – сурово произнесла Безбрежная.

– Ладно, – согласился Михайлов.

– Это касается пропавшего Потапова?

– Наверное, да!

– Хорошо, отлично. Я вас слушаю.

– Это не совсем телефонный разговор, я вам кое-что хочу показать. Мы можем сегодня увидеться где-нибудь в центре?

– А до утра это не подождет? – Дарья с сомнением посмотрела на сыновей, уже сидевших за столом, с голодными глазами ожидающих ужин, посмотрела на орущего кота, который тоже весь день страдал без любимых хозяев и насыпаемого ими корма в миску. Да и тащиться куда-то на ночь глядя не хотелось, тем более что оставить мальчишек было не с кем.

– Я бы хотел вам сегодня все рассказать, боюсь, что завтра я не решусь. Да может быть и поздно... – негромко ответил Михайлов.

– Хорошо, но у меня есть другая идея. Записывайте адрес, это недалеко от центра. Жду вас у себя, – Безбрежная продиктовала в трубку свой адрес.

– А ваш муж не будет против такого позднего визита? – с сомнением в голосе спросил Сергей.

– А муж объелся груш, – усмехнулась Дарья, накладывая Теме на тарелку сваренные покупные пельмени.

Да, она кормила детей пельменями, да, о ужас! Даже сама их ела, и да, готовить что-то на ночь глядя после суматошной работы у нее не было ни сил, ни времени, ни, если честно, и желания. Как говорила любимая в скобках свекровь, именно из-за этой работы, ее постоянной архиважной работы, и расстроился ее брак, первый и единственный. Мужу нужны

были каждый день первое-второе и компот, плюс свежесвыглаженные рубашки и накрахмаленные воротнички, а Дарья все время проводила на работе, с которой приползала без сил и падала спать – какие тут воротнички? Супруг ворчал, брюзжал, но сам не был в состоянии и тарелку за собой вымыть, не говоря уже о приготовлении элементарного обеда. Когда появились близнецы, Олег обрадовался, что уж в декрете Дарья будет сидеть дома и готовить борщи, но ничего подобного. Стало еще хуже. Теперь Даша крутилась вокруг памперсов, горшков и бодиков – два орущих младенца, причем орущих постоянно – стали последней каплей терпения трепетного Безбрежного, и собрав чемодан, он одним прекрасным утром отправился к своей обожаемой матушке с ее несравненными пирогами, накрахмаленными воротничками и заправленной кроваткой.

Дарья даже не обиделась ни разу, ей было не до того, она вздохнула с облегчением, вспомнив поговорку «Баба с возу», в данном случае «мужик с возу», с уходом супруга ей стало легче. Помощи от него не было никакой, в финансовом плане тоже, только вечные упреки и ворчание. Так она продолжала сама заниматься детьми, что она делала и раньше, только не стараясь готовить с утра до вечера несносные борщи, делать которые она так и не научилась. Дарья решила, что детей вполне можно кормить и сосисками, и пельменями покупными, и даже печеньем, а иногда можно порадовать и готовой едой из фастфуда, когда уж совсем не было

сил готовить. Бабушек-дедушек и тетушек, кто бы помог, не наблюдалось, потому Дарья безропотно сама тащила мальчишек. Олег появлялся, в лучшем случае, раз в месяц, иногда присылал деньги, но, по-хорошему, ни она, ни дети ему давно были не нужны, не интересны, в его жизни им не было никакого места.

Да и сами Сема и Тема про папу не спрашивали, не скучили, потому что его совсем не знали, ведь он сам не хотел их знать, так что противиться поздним визитам точно никто не собирался.

Конечно, все это рассказывать постороннему мужчине Дарья не собиралась, ограничившись банальным «объелся груш», заверив собеседника, что тот может приехать и все рассказать следователю.

Через полчаса раздался бодрый звонок в домофон.

Отправив мальчишек досматривать мультики, Дарья пригласила смущенного Сергея на кухню, налила ему крепкого чая, придвинула вазочку с печеньем и пытливо уставилась на него.

Тот нервно заерзал на стуле, косясь на огромного кота мейкуна Федю, который очень трепетно относился к своей хозяйке и ревновал ее ко всем существам мужского пола, потому сейчас буквально пожирал глазами нового знакомца, с ненавистью разглядывая Михайлова.

– Итак, я вас слушаю. – Дарья прогнала обиженного кота с кухни и даже прикрыла дверь в комнату.

– Извините еще раз, Дарья Николаевна. Наверное, мне не стоило приходиться, – снова замялся Сергей.

Дарья вздохнула. Она устала, она безумно устала, а тут еще на ночь глядя огромный двухметровый мужик ведет себя как девочка-пятиклассница.

– Сергей, раз уж пришли, выкладывайте все, как есть. Это касается Потапова? Вы знаете, где он? – задала она наводящие вопросы.

– Да, то есть нет, – замотал головой Михайлов. – Это касается Потапова, но я не знаю, где он.

Он тяжело вздохнул, а потом как будто решил прыгнуть в ледяную воду и начал наконец рассказывать:

– Мы с Лехой давно знакомы, это он меня сюда на работу пригласил, – шумно повел носом Сергей. – Я его хорошо знаю, как я думал. Он был простой нормальный мужик, ну, футбол там, пиво на выходных выпить. Все как все. Ответственный, спокойный очень. А тут... – Сергей облизал сухие губы и сделал глоток чая.

Дарья его не перебивала, внимательно слушала.

– Все началось с того, как нас поставили на дежурство в этом Инженерном замке. Когда мы в Главном корпусе музея работали, все нормально было. А как этот проклятый замок появился, так все...

Михайлов замолчал, его ноздри раздувались.

– Мы три недели там сидим, пока выставка идет, и я каждый день считаю оставшиеся дни до закрытия. Если бы не

такая хорошая зарплата, то давно бы ушел, даже убежал, но у меня ипотека и двое детей, где я такую работу еще найду, – он снова вздохнул. – Сначала первые дни все спокойно было, а день где-то на третий после ночного обхода подходит ко мне Алексей, такой злой и сердитый, и кричит, зачем я его пугаю и что за шутки такие дурацкие? Я абсолютно не понял, что с ним случилось. Говорю, что я на месте был, и ничего не знаю. Он мне не поверил, и всю оставшуюся смену на меня недовольно смотрел. Я пытался узнать, о чем он говорит, но тот молчал, а потом сказал, что ничего, ему померещилось. Однако на следующую ночь я, как обычно, проходил залы дворца, а тут... – Сергей снова нервно сглотнул, – а тут явно слышу мужские шаги, причем за мной. Тяжелые такие шаги, как будто в сапогах кто-то грохочет. Я остановился, принял-ся фонариком светить по сторонам, но никого не увидел. Я снова пошел, снова шаги за мной, причем в паре метров. Я включил свет в зале, но кроме картин никого там не было.

– А вам не могло показаться? – серьезно спросила Дарья.

Сергей отрицательно замотал головой.

– В том-то и дело, что нет. Я потом прибежал на пульт, принялся просматривать видео того зала, где я был. Но на видео был только я, больше никого не было, – Сергей снова заерзал. – Алексей тогда внимательно посмотрел на меня, но ничего не сказал. Я тоже не стал распространяться, Сидорчук засмеял бы нас. Пару дней было все тихо, а потом я проходил по внутреннему дворику, была ночь, но луна была яр-

кая, и у нас еще фонарь у входа, потому было довольно светло. Я проходил по двору, смотрел на темные окна дворца, как вдруг в одном из окон второго этажа сначала появилась искра, небольшая такая, а потом зажегся огонек, как будто свечи. И вдруг окно стало освещено, и я ясно увидел темный силуэт мужчины со свечой в руке. Он стоял у окна второго этажа и как будто смотрел на меня в упор. – Сергей снова заерзал, комкая в руках салфетку. – Мне стало очень страшно, просто волосы у меня на голове зашевелились. Ведь замок закрыт ночью для посетителей, здесь никого быть не могло. Причем второй этаж всегда закрыт, то крыло, где царские покои, сейчас закрыт для посетителей, туда нет входа. Около пару секунд был силуэт в окне. Я могу поклясться, что я его прекрасно видел, а потом он исчез как не бывало, в долю секунды – был и нету! Я кинулся внутрь во дворец, побежал по лестнице на второй этаж, прикидывая, какая комната это могла быть. Я обошел все комнаты левого крыла. Все были закрыты на замок, везде было пусто, везде слой пыли – туда никто не заходил очень давно. Когда я, испуганный и перешошенный, явился перед Потаповым, тот так серьезно на меня посмотрел и сказал, что я его не поймаю никогда!

– Кого его? Он знал, кто это был? – Следователь напряглась.

Михайлов судорожно кивнул.

– Он мне сказал, что уже видел в том же окне этот силуэт, но поймать его невозможно!

– Но почему? Кто это? – воскликнула Дарья.

– Это... Павел! – закивал головой Сергей.

– Какой Павел? Какая фамилия? – Дарья достала блокнот и приготовилась записывать.

– Павел Романов. – Сергей продолжал терзать бедную салфетку.

«Романов» вывела в блокноте фамилию подозреваемого Дарья.

– Романов? Подождите, какой еще Романов? – Она нахмурилась.

– Да, тот самый Романов. Павел Первый, император, – хмуро ответил Сергей.

Безбрежная нахмурилась еще больше и с негодованием посмотрела на Михайлова.

– Что вы мне тут сказки рассказываете? Вы хотите сказать, что вы видели в окне императора Павла Первого?

– Ну да, я вам об этом и говорю. Точнее, не его, а его призрака, – признался охранник.

Теперь заерзала Безбрежная, как же она сглупила, пригласила в свою квартиру, где сейчас находятся ее малолетние дети, психически больного человека, а то, что Сергей не здоров, он сам только что признался, нормальные люди галлюцинациями не страдают.

Дарья отшатнулась от него и принялась вспоминать, где у нее табельный пистолет и что придется делать, если этот детина сейчас нападет на нее.

Скорее всего, все эти мысли были написаны на лице следователя, так как Михайлов снова вздохнул и продолжил:

– Я знаю, о чем вы думаете! Я на вашем месте тоже бы не поверил в эту дикую историю! Я раньше тоже никогда не верил в мистику, призраков и прочую подобную чушь! И Алексей не верил! Но он тоже постоянно слышал разные шаги за спиной, стоны какие-то и фигуру в окне!

Дарья встала из-за стола и тихонько подошла к столешнице, надеясь достать из ящика кухонный нож. Хоть какая-то защита! Чтобы она когда-либо еще пригласила свидетеля домой! Да никогда больше!

– То, что это Павел был, мы потом узнали, у Клары Захаровны поинтересовались. Она старейшая сотрудница музея в Инженерном замке. Она нам после рассказала, что призрак Павла появляется в замке перед какими-то важными событиями. В начале двухтысячных в стенах дворца умер замначальника музея, плохо с сердцем стало – инфаркт. До этого целый месяц призрак Павла шумел, на глаза всем попадался. Перед Великой Отечественной и перед блокадой города тоже, судя по документам, его видели, – откусив кусок печенья, спокойно объяснил Михайлов.

Дарья поразилась его мнимому спокойствию, вроде бы нападать на нее не собирается, но нож в ящике стола она все еще нащупывала.

Безбрежная пожалала плечами:

– А сейчас что Павлу надо?

– Так, вот же – ограбление произошло! – поразился ее непониманию охранник.

– А, ну да, ну да! – согласно кивнула следователь. – А как фамилия вашей Клары Захаровны? Я бы хотела с ней поговорить.

– Чадымова. Клара Захаровна Чадымова, она вам много про императора Павла расскажет, про строительство замка и про всю эту чертовщину, которая здесь творится.

Безбрежная записала в блокнот фамилию музейной сотрудницы и с любопытством взглянула на Михайлова.

– Было что-то еще? Как это связано с Потаповым?

– Да, было. Я вам хотел кое-что показать, я знал, что вы мне не поверите, я бы и сам в это не поверил. Вот, смотрите... – Сергей достал из кармана смартфон, потыкал в кнопки и придвинул экран к Дарье.

– Это видео я сделал пару дней назад, как раз в том зале, где висели похищенные картины. Тоже дело было ночью, сначала я увидел это сам, а потом хватило ума достать телефон и все снять на видео, а то бы никто не поверил.

Дарья уткнулась в экран телефона. Сначала было темно и непонятно.

Большой тронный зал тонул в полумраке, шторы на окнах были задернуты, потому картины освещались лишь тусклым светом фонарика в руках охранника. Тот, судя по отражению света, неторопливо проходил по залу, медленно рассматривая картины. Вдруг возле одной из них он остановил-

ся. Изображение задрожало, снова луч света вернулся к картине.

Дарья ближе приблизилась к телефону в нетерпении, теперь и она что-то заметила.

На большом огромном полотне был изображен царь Петр Первый в окружении сановников в пышных париках, в руке у царя был план будущего города, у ног его плескалась река Нева. Но не это заинтересовало следователя – она заметила, что на картине лицо царя как будто ожило, голова повернулась набок, на губах из ниоткуда возникла живая улыбка, глаза сверкнули безумным блеском.

Дарья от изумления взвизгнула и уронила телефон на пол, с удивлением уставившись на Сергея.

– Вы это тоже увидели? Правда? – ничуть не удивился тот. – А я, представьте себе, эту чертовщину вживую видел, там на месте чуть не поседел от увиденного, – он покачал головой.

Дарья все еще не могла прийти в себя. В голове крутилась рой мыслей.

Фотошоп? Видеомонтаж? Но она же сама только что видела, как нарисованный Петр Первый крутил головой на картине.

– Как эта картина называется? – тонким голосом, совсем не похожим на ее, прошептала она.

– Венецианов «Петр Великий. Основание Петербурга», ее тоже украли, – спокойно ответил Михайлов, попивая чай и

закусывая вкусным печеньем.

– Мама, что случилось? Мы слышали крики! Ты упала? – на кухню заглянул взъерошенный Тема.

– Нет, все нормально. Я просто палец порезала, – солгала сыну Безбрежная.

Тот важно кивнул, взглянул на Сергея и испарился в недрах своей комнаты.

– Но это еще не все, – таким же спокойным тоном заметил Михайлов.

Дарья громко вздохнула.

– Что еще? Пришельцы с Нибиру? Аннунаки? Екатерина Вторая? Кого вы еще там видели? – с сарказмом заметила она.

Михайлов надулся и обиженно заметил:

– Нет, не Екатерина и не пришельцы, а вот Алексей мне вчера сообщил, что он снова видел призрак Павла, и тот... показывал пальцем на те картины! Вот так вот! – Его глаза задорно блестели, он выпил чашку чая и внимательно посмотрел на хозяйку.

Страницы старой книги... 20 апреля 1314 года. Не пятница, среда

Во дворце Наместника Бога на земле, Папы Климента Пятого, в тот день было многолюдно. Слуги носились по коридорам дворца в панике, самые лучшие лекари и знахари просиживали у постели умирающего понтифика.

Не прошло и сорока дней с момента казни Великого Магистра, как у Климента Пятого сильно разболелся живот. Не помогали ни магические травы с берегов Персидского моря, ни порошок «эликсир жизни», приготовленный из толченых египетских мумий, ни сок из высушенной кожи лягушки, которая умерла ненасильственной смертью в полнолуние, ни ежечасное пускание крови.

Лекари все сбились с ног, но стоны и вопли понтифика раздавались и днем, и ночью, были слышны во всем Париже.

В городе снова начали говорить и вспоминать о страшном проклятии, и для папы Климента Пятого предложили лечиться самым надежным средством – толчеными изумрудами.

Согласно легенде, считалось, что изумруды способны избавлять от любых проклятий и порчи, знахари вспоминали изумрудную скрижаль Гермеса Трисмегиста. А чтобы убрать ужасное проклятие – необходимо было много, очень много изумрудов. Ведь это не рядовая хиленькая порча, а ужасное проклятие казненного Магистра.

В перерывах между стонами и мольбами, захлебываясь от кровавой пены, Климент был согласен на все. Он обещал озолотить лекарей, осыпать их золотом и драгоценными камнями, если они спасут его, а тем более был готов съесть парочку толченых изумрудов.

Однако изумруды не спасли Климента Пятого от возмездия, и уже к вечеру 20 апреля он умер в страшных муках в

лужах кровавого поноса.

Лекари развели руками, возможно, понтифик переволновался и со страху съел слишком много изумрудов, больше, чем нужно. Но это средство все равно продолжало считаться уникальным. Несмотря на смерть понтифика, проклятие было снято. Так считала официальная медицина XIV века.

Но на этом проклятие не успокоилось, ночью во время грозы молния ударила в Нотр-дам-де-Пари, где находилось тело мертвого Папы. Начался страшный пожар, наутро от тела остались лишь обгорелые головешки.

И лишь один молодой парень Этьен, бывший оруженосец одного из самых влиятельных и могущественных орденов Франции, знал, кто устроил этот пожар и каким именно ядом был отравлен Папа Климент.

Ведь, как говорится, на Бога надейся, но возмездие нужно брать в свои руки.

Санкт-Петербург. Наши дни

Следователь Дарья Безбрежная с самого утра пришла в Михайловский замок. Прозвучавшая вчера дикая мистическая история все еще витала в ее мыслях, не давая сконцентрироваться.

Призраки, императоры, Петр Первый, смеющиеся картины – со всем этим нужно было что-то делать.

А в первую очередь поговорить со свидетелями.

– Добрый день, Клара Захаровна. Я следователь Дарья Безбрежная, я бы хотела задать вам пару вопросов. – Дарья продемонстрировала удостоверение.

Перед ней сидела маленькая сухонькая старушка с фиолетовыми крашеными кудрями. Дарью всегда удивляло, зачем бабульки красят волосы в такой оригинальный цвет.

Чадымова подняла на следователя свои васильковые глаза, взглянула исподлобья и проямлила:

– Если вы по поводу случившегося ограбления, то я о нем ничего не знаю. По ночам я обычно сплю в своей кровати, – усмехнулась она. – Жаль, что давно нет никого, кто бы мог это подтвердить.

«А бабулька не так проста, как кажется», – подумала про себя Дарья.

– Нет, не только про ограбление, а про сам Инженерный замок я бы хотела у вас узнать.

– Про Инженерный? Михайловский замок? – явно удивилась старушка. – А что именно? Сейчас в интернете можно узнать что угодно, тем более про нашу достопримечательность, – с достоинством приосанилась Чадымова.

– К сожалению, в интернете не все есть, – притворно вздохнула Дарья.

– Например? – В глазах Клары Захаровны зажегся огонек.

– Например, кто по ночам пугает здесь охранников, – жестко ответила следователь.

– А вы про это!! Про Павлика?! – улыбнулась старушка.

– Вы его Павликом называете?

– А как его еще называть? Все-таки вам донесли уже? Я думала, они постесняются про это рассказывать.

– Как вы видите, не постеснялись. Расскажите и вы тоже.

– Ну, хорошо. В это можно верить – можно не верить, но у нас в замке уже есть десятки свидетелей, адекватные взрослые люди, в том числе и ваша покорная слуга, которые кое-что странное видели и слышали в залах дворца. Особенно в последнее время.

– Вы действительно верите в призраков? Должно же быть рациональное объяснение. Не может же дух покойного императора Павла тут гулять по ночам? – Дарья пыталась достучаться до разума музейной работницы.

– Может – не может, но кто-то же здесь ходит! Стучит сапогами, бьет чем-то тяжелым по полу, выключает свет, двигает картины – много еще чего, – нахмурилась старушка. – Мы об этом в музее почти не рассказываем, уже привыкли, а вот новички часто пугаются, – она развела руками.

– Бред какой-то! Не привидение же умыкнуло семь картин?! – вскричала Даша.

– Не знаю я, кто умыкнул картины. Я сразу вам об этом сказала, – насупилась Чадымова.

– Хорошо, о'кей, на минуту допустим, на минуту – что на самом деле призраки существуют, и один из них появляется здесь, но что ему здесь надо? Почему он вот уже триста лет здесь ходит? Что ему нужно?

– Так, ясно дело, что! Он сокровища свои охраняет! Павел Первый и после своей смерти защищает священные реликвии ордена тамплиеров!

Следователь Дарья Безбрежная схватилась за голову. Неужели все свидетели в этом деле чокнутые?!!

Страницы старой книги... 1314 г. Париж

Изабелла французская, больше известная как Французская Волчица, никому и никогда не показывала своих слез. Ей рано пришлось повзрослеть, из хрупкой девочки-красавицы, любимицы отца Филиппа Красивого, она превратилась в сильную жестокую волчицу, с мнением которой теперь считались и во Франции, и в Англии.

Ее в свое время ради политических интересов и для союза враждующих стран отец выдал замуж за принца Уэльского, будущего короля Англии Эдуарда Второго. Сначала она радовалась, мечтала о крепких отношениях с супругом – еще бы, такая красавица, как она, не может не понравиться будущему королю. Но реальность оказалась плачевной. Будь она хоть сто раз красавица и умница, но понравиться королю Эдуарду было невозможно. Его сердце, ум и тело были прочно заняты, и ладно бы другой красавицей – фрейлиной или придворной дамой. Изабелла, насмотревшись в детстве и юношестве на развлечения Фонтенбло и Версаля, была вполне лояльна к флирту и изменам короля. Но к такому даже жизнь в Версале ее не приготовила.

Эдуард был влюблен в своего фаворита мужского пола Хью Диспансера и посещать спальню жены Изабеллы даже не собирался. Красавица кусала губы от обиды, негодования и ненависти, но ничего с этим не могла поделать. Даже когда для рождения будущего наследника Эдуард все-таки посетил ее спальню, даже тогда он пришел не один, а с любимым фаворитом.

При воспоминаниях о той ночи Изабелла каждый раз вздрагивала и в ужасе прикрывала пылающие щеки руками. Но дело было сделано – желанный наследник престола Эдуард Третий был зачат.

Все свои обязательства по отношению к жене Эдуард Второй считал выполненными, и теперь мог, абсолютно ничего не стесняясь, заниматься своей бурной нетрадиционной любовной жизнью. Король не пропускал ни одного привлекательного парня, будь тот даже простолюдин, слуга, каменщик или трактирщик. На своих фаворитов король тратил баснословные деньги, в то время когда законная супруга скучала одна в своих покоях.

Не получив никакой любви и семейного счастья, Изабелла решила разрушить и личную жизнь своих невесток. Ее три брата – наследники престола и сыновья Филиппа Красивого – Луи, Филипп и Карл были женаты на бургундских принцессах Маргарите Бургундской, Бланке и Жанне. Только Жанна была счастлива в браке, ее отношения с принцем Филиппом были вполне безоблачны, в них царила любовь и

гармония.

Маргарита же Бургундская обладала взрывным темпераментом и острым язычком, за что ее сразу же невзлюбила Изабелла. Маргарите было скучно с занудой Людовиком, и очень скоро она нашла ему замену.

В Нельской башне, одной из сторожевых крепостных башен в Париже, Марго проводила весело время с одним из самых известных красавцев города – Готье д’Оне. Позднее к ним присоединилась и веселушка-хохотушка Бланка и брат Готье – Филипп д’Оне.

По Парижу поползли слухи, поговаривали, что своих любовников, коих у Маргариты было не счесть, после ночи любви скидывали из окон Нельской башни прямо в Сену.

Изабелла встряхнула головой, она знала, как можно было вывести на чистую воду порочных сестер-изменищиц. Они изменили не только своим мужьям, но в их лице всему королевскому роду, то есть всей Франции.

В замке давали пышный и великолепный пир, где собрались знатные люди всего королевства. Во время танцев Изабелла заметила весьма приметные кошели, расшитые золотом и драгоценными камнями, у дворян братьев д’Оне. А ведь именно эти кошели были совсем недавно преподнесены в дар своим невесткам. Изабелла сразу узнала свои подарки и прямо с праздника отправилась напрямую к своему отцу королю Филиппу Красивому.

– Монсеньор, отец, разрешите мне сообщить о недостой-

ной измене, о предательстве, о поступке, которому нет и не может быть прощения, – в слезах Изабелла кинулась в ноги короля.

– Дочь моя, что случилось? Кто посмел обидеть будущую королеву? – нахмурился Филипп.

– Нет, не меня обидели, а весь наш древний род Капетингов, обидели память наших предков, всю королевскую власть, – рыдая, прошептала принцесса.

Филипп подскочил с трона, кивнул советникам, чтобы те вышли и оставили ее с дочерью наедине.

– Королевские невестки Маргарита Бургундская, Бланка Бургундская и Жанна, все они под покровом ночи и дня имели любовную связь с другими мужчинами. Они предавались разврату втайне от своих венценосных супругов, – полушепотом ответила Изабелла.

Филипп побледнел, обвинение было весьма суровым.

– Вы уверены, дочь моя? Я в курсе, что вы ненавидите весь дом Бургундских правителей, особенно вам не по нраву Маргарита. Но безосновательно бросаться такими обвинениями... – сурово произнес он.

– Не безосновательно! Я могу доказать! – с вызовом ответила дочь. – Спросите у своих невесток, сир, где мои подарки, кошель, расшитые золотом, нитью и самоцветами, намедни я отправила им дорогие дары от моего имени! Спросите, сир, и вы узнаете всю правду! – поклонилась она.

– Пойдем сейчас же! – Король чуть ли не с силой потащил

Изабеллу в покои Бургундских принцесс.

Сами же виновницы скандала смеялись и веселились, и даже на потеху играли в куклы, каждая из которых изображала персонаж из королевской семьи.

– А Филипп тогда говорит: «Сожгите, сожгите всех тамплиеров! Немедля!» – подражая низкому гортанному голосу короля, шутила Маргарита.

Ее сестры от смеха просто катались по полу, до того похоже у нее выглядел сам Филипп Красивый.

Задыхаясь от смеха и восторга, девушки и не заметили, как открылась дверь и на пороге застыл сам король Филипп собственной персоной, он как раз-таки услышал последнюю фразу Маргариты.

Одна из служанок вскрикнула от удивления и зажала рот рукой.

Принцессы посмотрели в сторону нахмуренного Филиппа и тоже вздрогнули от неожиданности и приближающейся в его лице опасности.

– Ваше Величество, – первой вышла из ступора Жанна и низко поклонилась королю.

Ее сестры мгновенно оттаяли и тоже низко склонили головы.

– Смешно вам, принцессы? – точно таким же низким и суровым голосом, какой пыталась изобразить Маргарита, осведомился король.

Девушки боялись поднять головы и встретиться с ним

взглядом.

– Скажите мне, где ваши подарки, те кошели, расшитые золотом, что преподнесла вам в качестве доброй воли принцесса Изабелла? – Голос Филиппа звенел от негодования.

В глазах Бьянки заплескался ужас, Маргарита подняла голову и столкнулась взглядом с красавицей Изабеллой, на губах которой виднелась змеиная улыбка.

Принцессы Бургундии поняли, что им пришел конец, что они обречены.

Так и произошло, Маргариту и Бьянку Бургундскую заточили в мрачный замок Шато-Гайар в Нормандии за измену королю и всей Франции, за государственную измену и оскорбление короны. Жанну, которая знала о факте прелюбодеяния, но не донесла королю, а покрывала своих сестер, ее приговорили к пожизненному сроку в замке Дурдане.

Самим горе-любовникам братьям д’Оне повезло и того меньше, два молодых и красивых шевалье сперва были колесованы, с них заживо содрали кожу, облили кипящим свинцом, затем обезглавили и протащили по улицам и оставили гнить в течение недель. Половые органы, «орудие преступления», отрезали и бросили собакам, чтобы другим было неповадно.

Выяснилось, что королевский адюльтер длился более четырех лет, значит, дочь короля Людовика Жанна, которой было три года, вполне могла быть зачата от Филиппа д’Оне, и тогда никаких прав на корону не имеет.

Вот так изменчивый нрав Бургундских принцесс привел к череде непоправимых событий в истории всей Франции, к прерыванию династии Капетингов и началу Столетней войны.

Санкт-Петербург. Наши дни

– Вот ты мне скажи, Володя, как можно украсть семь бесценных картин, не оставив практически ни одной зацепки, ни одной улики, – задумчиво проговорила Дарья, смотря в окно на бушующую внизу набережную Невы.

Оперативник Владимир Шестаков, который в этот момент составлял список всех антикварных салонов города, с удивлением посмотрел на следователя.

– Дарья Николаевна, рано расстраиваться, я еще не всех антикваров обошел!

– Да бесполезно это, уже три дня после кражи прошло. Время уже упущено, если картины и попали к частному коллекционеру – то их никогда и не найдешь теперь.

– Из страны их вывезти не могли, все таможни оповещены, все аэропорты!

– Ой, как будто ты не знаешь, как это делается! Они вполне могут быть на другом краю света. И ни одной улики, и Потапов этот потеряшка тоже!

– Да, улик нет, как будто картины призраки утащили! – рассмеялся Владимир.

Дарья закатила глаза.

– Скажешь тоже, призраки. Мне наш полковник Спиридонов уже намылил шею за это дело, не буду же ему про блуждающий дух императора Павла рассказывать!

Шестаков прыснул от смеха, представив, как задымится лысина у Валентина Сергеевича, если доложить ему про мистику в замке.

– Да, дела. С женой Потапова связь держите? – спросила Дарья. – Может, она его покрывает, у себя прячет?

– Да нет, она сама в шоке, плачет, мужа ищет. Так сыграть роль безутешной супруги ни одна гениальная актриса не может. Глухо тут!

– Все равно, приглядывайте за ней, она может вывести на нашего потеряшку.

Шестаков согласно кивнул.

– Там, у их дома, наши люди давно караулят. Может, кто и объявится.

– Может быть, все может быть... – протяжно потянула Дарья.

В этот момент зазвонил служебный телефон.

Радостный дежурный Спицын громко оповестил:

– Эх, повезло тебе, Безбрежная. Нашелся твой Потапов, вон все сводки его физиономия украшает!

– Нашелся? Где? Как? Я выезжаю, – заспешила Даша, застегивая на ходу пиджак.

– Да не спеши ты, он вам теперь ничего не сообщит – мертвый твой Потапов, – разочарованно сообщил дежур-

ный. – Но рядом с ним кое-что интересное есть!

– Я поняла, выезжаю, – кивнула Дарья и, захватив с собой Шестакова, направилась к входу.

Страницы старой книги... 29 ноября 1314 года. Не пятница, вторник

Быстроногая лань легко и грациозно убегала от своры преследующих ее собак. Королевский ловчий звучно протрубил сигнал к началу охоты. Профессиональные загонщики знали свое дело. Весь королевский двор, включая несметную личную свиту Филиппа Красивого, более двухсот человек благороднейшего сословия, не считая мелкую челядь и приближенных, все предвкушали необыкновенное развлечение.

Филипп любил азарт, любил охоту, любил собственноручно прицеливаться и убивать дичь, а потом, наблюдая за конвульсиями жертвы, добивать свирепого вепря или раненую косулю.

Загонщики гнали испуганную лань прямо на свиту короля, Филипп прицелился из лука и хладнокровно ждал, когда животное приблизится к охотникам.

Вот уже слышен стук копыт, вот уже первые гончие, любимые псы Филиппа, выбегают на поляну, где затаилась свита.

Филипп поднял лук, вскинул руку, указывая на приближающую к нему лань, и в эту самую секунду он рухнул, как подкошенный, с коня вниз головой.

*Лань проскакала мимо, не получив ни одной стрелы, сво-
ра собак, преследуемая загонщиками, следом за ними, а к ко-
ролю подскочили придворные.*

*Но было уже поздно. Филипп был без сознания, еще около
месяца он находился в бреду между жизнью и смертью, а
умер в своем королевском замке, перед кончиной все повто-
ряя последние слова Жака де Моле.*

*Удар потряс его, в один миг остановив сердце Капетинга.
И пока вся королевская свита охала и оплакивала монар-
ха, один мелкий оруженосец, который на охоте был млад-
шим смотрителем за собаками, знал, что ядовитый сок
тысячелистника, по рецепту ордена храма, способен за до-
лю секунд останавливать сердце.*

*Ведь Жак де Моле и другие казненные рыцари должны
быть отомщены, ведь сила проклятия в тех, кто его соблю-
дает.*

*У Филиппа Красивого – короля Франции – было три сына
и красавица дочь. Казалось бы, его род не прервется, есть,
кому продолжить королевскую ветвь. Но проклятие маги-
стра тамплиеров покарало их всех.*

*Все сыновья и внуки Филиппа скончались между 1314-м
и 1328-м. Дочери либо умирали в младенчестве, либо были
бесплодными. Всего за четырнадцать лет с момента гибели
Моле династия Капетингов прекратила существование –
после трехсотлетнего периода правления.*

А виной тому было проклятие магистра, злой рок

или тайные преступники-храмовники, которым удавалось отравлять венценосных особ – история умалчивает.

Санкт-Петербург. Наши дни

Служебный автомобиль лихо несся по серым и невзрачным улицам города. Дарья смотрела в окно на нудный непрекращающийся дождь и все не могла найти ниточки, подергав за которые легко можно было найти пропавшие картины русских художников девятнадцатого века.

– Эх, Дарья Николаевна, опять мистика какая-то, – только услышав адрес, где был обнаружен труп Алексея Потапова, сообщил оперативник Шестаков.

– Почему мистика? – удивленно подняла на него глаза Безбрежная.

– Так это в Ротонде труп нашли! – безапелляционно сообщил оперативник.

– В Ротонде? – снова удивленно переспросила следователь.

– Да, в Ротонде, в той самой на Гороховой, – торопливо пояснил Шестаков.

– Да, я что-то такое о ней слышала, – неуверенно произнесла Даша.

Теперь настал черед удивляться Шестакову:

– Николаевна, ты что? Не знаешь про Ротонду?! Это же одно из самых мистических мест Петербурга!

– Я не увлекаюсь мистикой, – буркнула Безбрежная, ей

было стыдно, что оперативник больше знает о ее городе, чем она сама. – И до этого дела мне мистика в расследовании никогда не попадалась!

– Зато теперь попалась в полном размере, – лукаво ухмыльнулся Шестаков. – Ну что, приехали, вылезай. Наши уже все здесь.

Следователь Безбрежная вышла из служебной машины. И правда, у обычной парадной на улице Гороховой с ноги на ногу переминался полный криминалист Леша Одывалов и медэксперт Антон Овечкин в дорогом импозантном пальто.

Шестаков поздоровался с коллегами.

– Ты что это как на праздник вырядился? – обратился он к Овечкину, выразительно оглядывая его роскошный наряд.

– Для меня работа всегда праздник, – ухмыльнулся тот. – Меня звонком с работы с тещиною дня рождения выдернули. Повезло, так повезло! Даже переодеться не успел, так спешил от драгоценной Изольды Максимовны срулить, – снова разулыбался он.

– Да уж, любишь ты свою тещу! – влез в разговор Михайлыч.

– А ты мою полюби, попробуй!

– А твои как дела, Володь? Я слышал, Джек у тебя занемог!

Шестаков помрачнел, немецкая овчарка Джек был его хорошим преданным другом, но несколько дней назад сильно заболел.

– Джека вчера похоронили.

– Ой, не знал, сочувствую.

– Все нормально, – Шестаков пожал ему руку.

Даша подошла к опергруппе, поздоровалась:

– А что вы тут жметесь, не заходите?

– Да мы только что приехали, за минуту до вас! Где там ваш труп, показывайте, – Антон Овечкин выразительно взглянул на Володю.

– Тьфу-тьфу, пока еще не наш труп, пошли.

Все зашли в полутемную парадную и сразу же будто попали в другой нереальный мир.

– Ничего себе, – аж присвистнул от удивления Шестаков.

Действительно, было чему поражаться.

Снаружи это был обычный фасад в стиле раннего классицизма, каких много в Северной столице, а вот за парадной дверью таилась настоящая архитектурная жемчужина. Перед глазами изумленной Безбрежной открылись настоящие мраморные колонны, ажурные винтовые лестницы, более подходящие для средневекового замка, арки, а точнее арочные перекрытия, и купол, служащий антитезой куполам христианских храмов.

– Ничего себе у них лестница! – задрал голову, промолвил Шестаков.

– Сам ты лестница! – отозвался Овечкин. – Правильнее будет назвать Ротонду самостоятельным помещением с винтовой металлической лестницей, украшенной шестью колон-

нами, поддерживающими площадку верхнего этажа.

– А ты, видать, подготовился, когда от тещи ехал, – огрызнулся Володя.

Дарья разглядывала металлические ступени, которые вели на третий этаж, что интересно, второй этаж здесь отсутствовал, и лестничная площадка огибала по кругу всю Ротонду. На третьем этаже было несколько квартир с металлическими дверями, а само помещение Ротонды было завершено высоким куполом.

– Ты еще главного не узнала! – улыбнулся ей Овечкин. – Закрой глаза и слушай.

Даша послушно зажмурилась и тут вздрогнула от удивления.

Голос эксперта, стоявшего у противоположной стены Ротонды, раздался прямо у ее уха. Девушка от неожиданности ойкнула и открыла глаза.

– Здесь поразительная акустика, – шепотом произнес Антон с другой стороны лестницы, но его шепот был слышен во всем помещении, каждый звук как будто звучал в голове.

– Вы тут так и будете развлекаться, или все-таки займемся тем, за чем мы сюда приехали и за что нам деньги платят? – спросил Одывалов, и его слова тоже разнеслись по всей Ротонде.

– Зануда, – тихо промолвил Шестаков.

– Я все слышу! – улыбнулся Михалыч. – Где там ваш труп?

– Два трупа, – из-за колонны раздался голос молодого по-

лицейского.

– Два – это уже интересно, – коротко кивнула Даша и пошла вперед.

В самом центре мистической парадной, аккуратно на старом железном люке, безжизненно лежали два человека. На первый взгляд они как будто спали – бледные лица, сжатые губы, но неестественно застывшие позы говорили о том, что эти люди уже давно мертвы.

Первого высокого здоровяка с волевым подбородком Дарья сразу узнала по фотографиям Алексея Потапова, второй был щуплый молодой парнишка лет двадцати с едва проби- вающейся щетиной на щеках.

Безбрежная наклонилась к телам, над которыми уже кол- довал Антон Овечкин:

– И что это с ними? – поинтересовалась следователь.

– Я только приступил, но на первый взгляд у обоих боль- шая потеря крови, причем, я бы сказал, критическая. Сейчас я проведу парочку тестов и точно смогу сказать, что с ними. Но, Дарья Николаевна, обратите внимание сюда, – он при- поднял руку молодого парня и показал еле заметный след на обратной стороне локтя. – Уверен, что у второго товарища точно такой же след.

– А что это может быть?

– Я думаю, это след от инъекции, какого препарата, пока не скажу! – Антон вернулся к работе.

– А кто второй потерпевший? – спросила следователь.

– Вон, у полиции спроси, у них найденные личные вещи, да и свидетель, кажется, имеется. Но ты самого главное не видела! – Его глаза победоносно блеснули.

– Что еще? – Даша только собиралась отправиться к свидетелю, как услышала крик Овечкина, она все еще не могла привыкнуть, что здесь любой звук раздается таким эхом. Акустика явно мистическая!

– И что же я еще не видела?

– А вот. – Овечкин подвинул к следователю темную спортивную сумку, из которой виднелся круглый тубус для карт или рисунков, с такими часто ходят студенты художественного училища. – Эта сумочка лежала аккурат между нашими жмуриками.

– Это? Это? – Дарья не верила своим глазам. – Неужели?

– Пока не открывали, отпечатки нужно снять. Я сейчас здесь все закончу и вместе откроем.

– Ну, Антоша, давай сейчас откроем, мои пальчики у тебя же есть! – Безбрежная сложила руки в молитвенном жесте.

– Ну, ладно, – смилостивился тот. – Только перчатки надень, будь добра, и мне не мешай.

Овечкин медленно поправил свои перчатки, аккуратно достал из сумки тубус и неторопливо принялся отвинчивать крышку тубуса.

Даша от нетерпения кусала губы, он что, издевается?

Но наконец крышка была снята, полотно достали на свет, раскрыли, и перед изумленной следственной группой пред-

стал Венецианов Алексей Гаврилович «Петр Первый. Основание Петербурга». Но не сам факт нахождения картины ошеломил присутствующих – на картине был нарисован не тот Петр, что совсем недавно украшал картину на выставке. Теперь черты лица царя изменились, посадка головы, глаза, губы – все было другое. Плюс, как отметила Дарья, на заднем фоне изменился и пейзаж. Но больше всего следователя напугало другое – нынешнее лицо Петра как раз напоминало то, что она видела в смартфоне Сергея Михайлова, тот самый лик, что так напугал охранников во дворце.

– А царь-то ненастоящий! – прошептала Дарья, но ее слова разнеслись по всей Ротонде и стали слышны всем находящимся здесь.

Замок Шлезвиг-Гольштейн-Зондентбургских. Священная Римская империя германской нации, конец XVII века

– О, великий герцог, великий Фридрих, новости неутешительные. Надо что-то делать с соседями. – Главный советник Иоганн Штессель покорно поклонился великому герцогу Священной Римской империи германской нации.

– А что там с соседями? – пытаясь сдержать зевок, осведомился правитель. – Ты снова про шведов начнешь мне говорить?

– Не только про шведов, но и их покарать тоже нужно – их государство уже существенно начинает наступать на наши владения, да и владычество их на Балтике через пару

десятилетий можно будет считать случившимся фактом, если мы не предпримем мер, – вкрадчивым голосом сообщил Иоганн.

Фридрих задумался, действительно Шведское государство наступало на пятки Имперскому льву.

– Одним нам их не победить, у шведов хороший флот, наших сил не хватит! – закивал Штессель.

– Отправь послов к Габсбургам, в Ганновер, нужно будет обдумать предстоящую коалицию. Что-то еще? – Фридрих недовольно скривился, он давно мучился желудочными коликами и обсуждать сейчас что-то еще был не склонен.

– Да, есть еще. Есть еще государство, намного сильнее, могущественнее и непредсказуемое, чем Швеция. Государство, способное стать самым главным врагом для всей Европы. Необозримое количество ресурсов, людской силы, древесины, меди – оно способно завоевать нас всех, если захочет, конечно, – тон Иоганна стал злой и жесткий.

– О каком государстве ты говоришь? – удивился Фридрих. Кроме возвеличенной Швеции, он не видел врагов для империи.

– О Московии! – выразительно поднял палец вверх Штессель.

Великий герцог от души рассмеялся.

– Эти дикие варвары, эта заснеженная далекая страна. О чем ты?! Они не способны у себя навести порядок – бородатые дикари! – Он брезгливо сморщился, поднеся к носу белоснежный платок, высморкался в него.

– Я согласен с вами, Ваша Светлость, что они дикари, но до сих пор сильна память о их мощи, величии и отваге. Они сильны верой и духом, практически непобедимы. Все мы помним царя Московии Ивана Васильевича Ужасного, помним заслуги московитян в Ливонской войне, как они разгромили силы Ливонского ордена, все военные стычки они выигрывали. вспомните битву с рыцарями на озере Чудь. Все притязания нашей короны на земли Великого Новгорода, на Ингерманландию – все они отстояли. Нельзя списывать Московию со счетов, страна сильная, огромная, богатейшая... – Последние слова он процедил с лукавой улыбкой.

– Кто там сейчас у них правит? – задумался Фридрих, действительно слова Иоганна заставили его по-другому взглянуть на восточных соседей.

– После смерти царя Алексея Михайловича, кстати, поговаривают, что его бояре, местные сановники, отравили, так вот, после его смерти трон достался сыну Петру Алексеевичу. Молодой царь пытлив умом, любознателен, энергичен, хочет свершить великие дела. Интересуется науками и диковинками разными!

Фридрих на несколько минут задумался, принялся ходить по холодной комнате замка, но потом удивительная идея пришла к нему в голову, он довольно хмыкнул и потер от нетерпения руки:

– Великие дела, говоришь! Мы поможем ему с великими делами! Я знаю, как решить нам проблему и с шведами, и с

русскими. Пусть сами себя сожрут, как пауки в банке. Садись, пиши секретную депешу в Амстердам, к нашим людям в Холланд...

Фридрих Людвиг, герцог Шлезвиг-Гольштейн-Зондербургский, потер руки, ведь он придумал такой план, который способен изменить жизнь и мироустройство практически половине земного шара. Если все получится – то о последствиях этого гениального решения будут спорить еще сотни лет.

Но все должно быть в полнейшей секретности, за нарушение вышеизложенных планов или за их разглашение есть только одно наказание – смерть, независимо от чинов и привилегий.

После написания секретной депешы главный советник великого герцога Иоганн Штессель, много лет служивший империи, был повешен на крепостной стене замка Шлезвиг.

Санкт-Петербург. Наши дни

– Ничего себе, у нас тут веселые картинки! – через плечо заглядывал на найденное полотно Венецианова оперативник Владимир. – А других картин тут не было? – Этот вопрос уже адресовался молоденькому полицейскому, топтавшемуся возле колонны.

Тот отрицательно замотал головой.

– Нет, не было. Точно не было.

– Значит, ищем еще шесть, – шуточно загнул палец на

правой руке опер.

– Надо еще проверить подлинность этой картины, – осадил его следователь. – Тут изображение отличается от оригинала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.